

Николай

ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**Город
мертвых**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Николай Леонов

Город мертвых

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Город мертвых / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2024 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-200271-7

Еще одна книга легендарного тандема Леонов — Макеев. Полиция сбилась с ног: за короткий срок в Москве бесследно исчезли сразу двенадцать человек. Бизнесмены, политики, пенсионеры, архивные работники — все словно испарились. Полковники МВД Гуров и Крячко пытаются найти зацепку, которая бы хоть как-то связывала не пересекавшихся между собой людей. Но все тщетно. Загадка кажется неразрешимой, пока однажды Гуров не встретил старого знакомого, знающего о последних событиях больше, чем кто-либо из простых смертных... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга — это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров — сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он — настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200271-7

© Леонов Н. И., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Леонов, Алексей Макеев

Город мертвых

© Макеев А. В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

На планерке обычно голос генерала Орлова, начальника оперативно-разыскного отдела Управления МВД города Москвы, звучал монотонно. Хотя его подчиненный, Лев Гуров, опер по особо важным делам, даже спустя столько лет всегда слушал начальника и доклады коллег с живым интересом. Хотя, казалось бы, зачем, ведь столько лет ходит в операх, несмотря на звание подполковника и блестящий послужной список раскрытых дел. Что нового он может услышать среди длинных перечислений: по убийству такого-то провели выездные мероприятия, по серии такой-то версию отработываем с таксистами... и так по кругу: убийства, похищения, мошенничества, тяжкие телесные. Гуров до сих пор, даже через десятки лет службы в убойном отделе тяжких преступлений, испытывал удивление перед темной стороной человеческой природы, и все же не психологические тонкости приманивали интерес опытного опера, а само преступление. Ему нравилось складывать воедино детали – место, орудие, мотив, жертва, улики, словно кусочки головоломки, пока вдруг преступление не представало перед ним яркой, выпуклой картинкой.

Но сегодняшнее утро было особенным, голос генерала Орлова отливал металлом и глухим раздражением. И немудрено, через два часа Петру Николаевичу докладывать министру о результатах, которых нет. Конечно, они есть, его подчиненные, опытные и не очень, не сидят на месте: работают без выходных, отработывают одну версию за другой – опрашивают, ищут свидетелей, без конца таскают в отдел своих информаторов в криминальной среде, проводят рейды в местах сбора уголовных элементов. Работы было так много, что вот уже вторую неделю Петру Николаевичу Орлову иногда казалось – время вдруг повернулось вспять, и он со своим отделом снова бьется с волной бандитских разборок, как в лихие девяностые. Но результата, того, который нужен министру, нужен родственникам жертв пойманного преступника, не было.

Почти каждый день начинался с новой неприятной новости, будто повторяющийся кошмарный сон. Рыдающие жены писали заявления о внезапном исчезновении своих мужей. Звонили телефоны, уверенные мужские голоса требовали генерала Орлова и со скрытым волнением объясняли, что пропавший человек не простой, а уважаемый, депутат, бизнесмен, влиятельный человек. Шумиха и волнение в управлении теперь царили круглые сутки, генералу звонили днем и ночью, чтобы сообщать снова и снова: еще один пропал, нет – зацепок никаких, нет – тело не найдено. И это утро было снова тягучим, напряженным кошмаром.

– Иван, что по окружению, ну ведь строительством человек занимался, ведь не семечками торговал, миллионы там крутятся всегда, миллионы! Что, что в офисе, у партнеров, что сказали? Кому Головин мог мешать? – голос начальника рассекал воздух, словно кнут, от резких нот шел мороз по коже.

Понурый старший лейтенант забубнил в ответ:

– Петр Николаевич, да он в строительстве двадцать лет крутится, у него двенадцать компаний в управлении. Да я буду год только по офисам ходить и выспрашивать, кому их директор дорогу перешел.

Орлов побелел и пошел пятнами, голос упал до глухого шепота:

– Год? Какой год, ты что говоришь! Ты в оперативном отделе, у нас таких сроков нет! К концу дня доложить мне отработку по бизнесу Головина. Так. – Генерал нервно схватил

измятый список из десятка фамилий. – Кто там следующий, Романчук, нет... черт... запутался уже с ними... По Рогачу слушаю, докладывай, Крячко, что нашел?

Коллега по сыскной работе, сосед по кабинету, многолетний приятель Льва Гурова, Станислав, обычно шутник и балагур, сегодня тоже поддался общему мрачному настрою. Сухо отрапортовал:

– По информации, полученной от дочерей Рогача, тот уже больше пяти лет на пенсии. Раньше работал в департаменте землепользования инженером. Жена умерла больше девяти лет назад, любовницы не было. На пенсии проживал на даче круглогодично, занимался земледелием, строил солярысы – системы солнечных аккумуляторов. Пчел разводил, возился с обустройством дачи. Знакомство водил с соседями на уровне «добрый день, до свидания», с бывшими коллегами не общался. У него почти всегда кто-то жил на даче, трое дочерей, семь внуков, семья большая. Обычный бодрый старик, изобретатель, макеты с внуками мастерил. Рано утром, по словам родственников, ушел на берег посидеть с удочкой, делал так часто, любил уединение, чтобы отдохнуть от семьи. В обед они начали его искать, у воды нашли удочку и ведро. Одежды нет, тела нет, свидетелей тоже, следов борьбы или крови нет.

– Водолазы ушли уже? – буркнул Орлов, но ответ он знал и сам. Третьи сутки пошли, как пропал инженер Рогач, и его тело уже даже перестали искать – водолазы свернули свое оборудование. Река, слишком глубокая и стремительная, могла утащить тело так далеко, что теперь остается лишь ждать, когда поток выкинет раздувшийся, позеленевший труп на берег. Петр Николаевич с раздражением хлопнул ладонью по списку из фамилий:

– Так мы до обеда эти беседы можем вести. Результат, у кого есть результат? Зацепка, версия?! – снова сильный хлопок по листу. – Двенадцать человек пропали, двенадцать! За неделю! Не может быть, чтобы они были не связаны между собой. Ищите связь, что их объединяет. Найдем, что их объединяет, найдем преступника.

Генерал вдруг поднялся из-за стола, в руках белел зажатый до боли в пальцах список. В кармане гудел на вибрации телефон, он и без взгляда на экран знал, что это снова звонят родственники, близкие пропавших. Некоторые из них были не простыми гражданами, с заслугами, с большими деньгами, с высокими постами, с хлебными должностями в государственных системах. У них была власть, власть денег или власть должности, именно эту версию надо отрабатывать, в этой силе искать причину смертей и бесследных исчезновений – говорило, даже кричало чутье генерала Орлова. Хотя, с другой стороны, его останавливало, что среди исчезнувших числились и обычные, ничем не примечательные граждане. И где связь между ними всеми? Слишком много информации, ее надо переработать, найти и ухватить красную ниточку, что тянется незаметно для оперов от дела к делу. Пока все дела разбросаны по отдельным оперативникам, они не смогут собрать все звенья в единую цепь. Поэтому генерал Орлов кивнул собственному решению, вслух же озвучил:

– Двенадцать дел мне на стол, создаем оперативную группу. Руководитель – Гуров, зам – Крячко, сами определяют состав, к обеду определиться, три человека к нему, остальные разгребать то, что накопили. Работа отдела встала, сейчас оперативно закрываем все, что можно закрыть, и в помощь к опергруппе.

Петр Николаевич вернулся за стол, выражение его лица изменилось. Теперь он не сомневался и не раздражался от беспомощности отдела. Суетливые поиски неизвестно чего не дадут результата, пускай даже это снова вызовет недовольство у министра. Но действовать надо системно, выстроить рабочую версию на основании собранной уже информации и отрабатывать ее. С этим справится тот, кто может работать не только ногами или языком, опрашивая свидетелей. Здесь нужен Гуров с его аналитическим мозгом и любовью к головоломкам, он сможет выудить из горы пухлых папок на столе нитку, которая потянет за собой все эпизоды в единое дело. Или, наоборот, докажет, что никакой связи между несчастными людьми нет, всего лишь небывалый разгул преступности.

Генерал повернулся ко Льву:

– Сколько времени надо на изучение материалов? Имей в виду – сейчас начало недели, и ты нашу систему знаешь, в пятницу нужен будет результат. Хотя бы крепкая, хорошая версия без дырок. Накопать улики под нее народ найдется, главное сейчас, Лева, – версия, что происходит, кто и почему собирает эту... – генерал снова сжал измочаленный листок с фамилиями, – коллекцию. Лев, ты слышишь меня? – Он удивленно всмотрелся в подчиненного, который застыл на несколько секунд с удивленным взглядом, рассматривая уходящих коллег.

И тут же опер очнулся, тряхнул головой, словно сбрасывая увиденное, и кивнул начальнику:

– Основное содержание материалов я знаю, слушал ребят на планерках. Посмотрю сегодня еще раз, утром скажу, выстроилась ли версия. И будем понимать, в какую сторону действовать.

Петр Николаевич не смог сдержать облегченного выдоха. Хоть и не пообещал Гуров ничего конкретного, и все же его уверенный тон, всегда деловитая сдержанность ясно говорили – этот сыщик умеет добиваться своего. Коллеги, начальство да любой в управлении знал, что дело, порученное Гурову, будет раскрыто. Поэтому доверяли ему самые сложные и запутанные расследования, хотя такой груды «висяков», что громоздилась на столе после окончания планерки, Петр Николаевич Орлов еще не видел.

Лев Гуров шел с охапкой протоколов и осмотров по коридору, а мысли никак не хотели идти в сторону работы. Перед глазами стоял профиль самого молодого сотрудника отдела – Руслана Амаряна. На планерке он сидел у окна, так что солнечный августовский свет обволакивал его, размывая черты. В какой-то момент голоса слились в общий гул, и Лев вдруг на несколько секунд вернулся назад на почти двадцать лет, когда он сам, как и Руслан, был начинающим свою службу оперативником. И начинал познавать азы поиска преступника под крылом отца Руслана – Артура Амаряна. Приземистый, с черными глазами-огоньками, с такими же смоляными кудрями, живой, как ртуть, капитан Амарян сразу взял под крыло молодого опера – Льва Гурова: терпеливо учил, по-отечески наставлял, разбирал с ним по полочкам каждое дело. А в перерывах на кофе, который сам и варил в крошечной электрической кофеварке по семейному рецепту с огромным количеством пряностей, учил парня и «жизненным» мудростям:

– Счастье – оно в семье, а оперу, знаешь, как трудно семью завести и удержать. Любая женщина от такого мужа сбежит, который живет на работе. Ищи себе невесту скромную, покладистую, хозяйственную и сразу объясняй ей, что ты опер, какая жизнь у тебя. Согласится, поймет, тогда дома тебя каждый день будет ждать такое счастье, Лева. Мы вот с преступниками работаем, видим каждый день смерть, предательство, все самое плохое, что в человеке есть, видим. Иногда так внутри все зачерствеет, что убивал бы людей, до того весь мир кажется прогнившим, черным, а я домой прихожу, и мне навстречу Русланчик бежит, на руки лезет и обнимает. Жена ужин горячий на стол ставит, потом сидит и слушает, слушает мои жалобы. И отпускает, легче становится внутри, как будто всю грязь изнутри горячей водой смыло, душа снова чистая, сердце мягкое.

Сердце у Артура и правда вмещало любовь ко всему миру, к жизни во всей ее красоте. Не мог он пройти мимо старика и не пожелать долгих лет жизни, не улыбнуться карапузу, который встретился на пути. Даже сочные формы девушек он хоть и провожал горячим блеском любопытного взгляда, но тут же восторженно восклицал:

– Какая красавица, цветок, а не девушка! Прямо как моя Маринэ, когда я ее первый раз увидел, сразу тогда решил, что женюсь на ней. Сын вырастет, невесту ему такую же красивую найдем!

После смерти Артура его молодой напарник долго не мог прийти в себя, ночами в ушах звучал веселый голос, ему казалось во время планерок, что вот поверни голову – и рядом будет

сидеть капитан Амарян. Озорно подмигнет, незаметно для строгого начальства: «Не бойся, новичок, со мной не пропадешь, все дела раскроем».

Столько лет Лев не встречал его улыбки или одобрительного кивка, как вдруг сегодня краем глаза увидел знакомый профиль, повернулся и на несколько секунд забыл о реальности вокруг. Выросший сын Артура, тот самый Русланчик, что обнимал уставшего после работы отца за шею, теперь и сам оперативник отдела уголовного розыска, сидел на том же месте, что и его отец много лет назад. Солнце также рассыпалось искрами в его черных кудрях, а крупные черты лица заострились от внимания к словам начальника.

В тот момент в груди у Гурова все зашлось от радости: сейчас улыбнется Артур, повернется и подмигнет, вот он рядом, руку протяни – и коснуться можно. И тут же отдалось болезненным толчком: ошибся, сын, это его сын, уже выросший, пошедший по стопам отца, это Руслан, который стал копией погибшего отца. А сам Артур уже больше десяти лет лежит в могиле на старом кладбище Очаковского района, и сегодня очередная годовщина его смерти. Годовщина героической смерти на оперативном задании капитана Амаряна и второй жизни Льва Гурова.

Глава 1

Воспоминания о погибшем коллеге не давали сосредоточиться на груди дел, что лежала перед Гуровым. К тому же еще в кабинет зашел Руслан, протянул очередную тощую папку и смущенно объяснил:

– Все, что удалось найти по Ольге Романчук, зацепок не смог отыскать. Может, у вас получится, товарищ полковник. Если надо, я готов работать в группе, только скажите, какую информацию еще поискать. Только если можно, чтобы поменьше работы в ночь. Жене помочь надо с ребенком, у Артурчика зубы режутся, хотя бы по ночам я его укачиваю, чтобы Марина смогла поспать немного. А днем бабушка с ним, жена, по очереди справляются.

От знакомых имен – Артур, Марина, от черного влажного взгляда усталых, налитых краснотой глаз у Льва снова перевернулось все внутри. Он молча забрал жидкую стопку протоколов по пропавшей женщине и коротко кивнул – иди. Когда за молодым опером закрылась дверь, Стас Крячко, обычно смешливый и щедрый на колкие шутки, обеспокоенно спросил:

– Ты чего, Лев? На тебе лица нет, болит что-то? Может, в аптеку сгонять?

Гуров pokrutil головой:

– Нет, просто Руслана увидел и вспомнил... Сегодня годовщина того дня, когда отца его ранили на задании... На кладбище мне надо съездить, не смогу работать, пока не повидаюсь с Артуром. Ты же знаешь, что для меня это значит. Он меня прикрыл тогда, свою жизнь отдал за то, что я сейчас здесь. Поэтому не могу не поехать, пускай даже дела срочные и Орлов с меня три шкуры снимет без результата. Это единственное, что я могу для него сделать – навестить, пообщаться. У него внук уже растет, сын женился, все, как Артур мечтал, а он не видит этого всего... Съезжу, повидаюсь, расскажу ему, что все хорошо.

Крячко кивнул, выучил уже за годы общения, какая глубокая натура скрывается под маской опытного, жесткого оперуполномоченного, и предложил:

– Езжай, я прикрою. Да и Орлов поймет, преступления всегда будут и работа наша, память о хорошем человеке важнее. Скажи только, с какого дела начинаем?

Рука опера хлопнула по невысокой горке:

– Со всех. Для начала надо составить таблицу: имя, занятие, место проживания, интересы, круг общения. Хотя бы примерно, будем искать совпадения по этим линиям и отрабатывать версии, в которых все пропавшие могут быть объединены. Знаю, ты такую работу не любишь, но это нужно сделать, иначе будем бегать безо всякого смысла от пропавшего к пропавшему. Внеси все в табличку, а я, как вернусь, засяду искать зацепки. У меня есть половина дня и ночь, успею проанализировать.

– Угу, – недовольно отозвался уже из-за экрана компьютера Станислав, который такую «бумажную» кропотливую работу терпеть не мог. Но ради товарища, напарника готов был весь день провести над кучей дел о пропаже людей, чтобы выловить крупяцы информации и собрать их в одной таблице. Гуров же натянул легкую куртку, сунул служебное оружие в кобуру и поспешил из кабинета, на ходу подсчитывая, во сколько вернется в управление. Дорога займет часа полтора туда и обратно. Еще десять минут на то, чтобы заскочить в кафе – купить крепкий свежий кофе в бумажном стаканчике и крошечную шоколадку с горьким вкусом. Именно так по утрам капитан Амарян приводил себя в порядок, получал заряд бодрости после бессонных ночей с закапризничавшим от небольшой лихорадки сыном или после суток дежурства, оставшись на сверхурочную смену из-за срочного задания. Поставит на могильную черную плиту и расскажет товарищу обо всем, что происходит в его жизни. Что внука назвали в его честь, что сын стал подающим надежды шустрым оперуполномоченным, что женат он на красавице, как и мечтал Артур, а его напарник помнит и все так же благодарен за спасенную жизнь.

В дороге Лев, уже успокоенный решением исполнить долг вопреки навалившейся горе работы, обдумывал исчезновение стольких людей. Прокручивал мысленно обстоятельства дел, благо о деталях он уже слышал на планерках в течение недели. Перечислял про себя фамилии, складывая их в списки:

«Владелец строительного бизнеса Головин, председатель мелкой партии, когда-то известный политик Курчатov и его помощник, заместитель председателя департамента экологии Афанасьев, еще один бизнесмен Юркинсон и еще четыре человека. Все пропали за последнюю неделю без вести, не пришли с работы. Их семьи и близкие подняли шумиху, написали заявления, но даже отследить маршрут в день исчезновения не удалось. Истории у всех похожие. Выходили из офиса и уезжали по неизвестному маршруту, не связанному с работой. Девять фамилий не объединены формально, но в то же время схожи тем, что обладали деньгами либо должностью. Лишь трое пропавших не из этого списка: архивариус Ольга Романчук, инженер на пенсии Рогач и безработный инвалид Дмитрий Плесов. Эти жили скромно, без регалий или денег. Может, просто случайные свидетели, которые каким-то образом узнали, кто стоит за исчезновением политиков и бизнесменов? И за это их тоже убрали... А может, просто исчезли, ну так бывает – пропадают люди, и потом так и остается тайной, что с ними случилось. Инженер в возрасте, мог оступитья, с сердцем плохо стало, упал в воду, захлебнулся, а тело утащило по течению на неизвестное теперь расстояние. Инвалид Плесов жил за городом, может, гулять ушел и заблудился, соседи же говорили, что он вечно по окрестностям бродил с фотоаппаратом, делал снимки растений. Но что тогда с Романчук? Здоровье у нее было нормальное, женщина неделю как вышла на пенсию, обычная семья – дети, внуки. Дачи не было, гулять по лесам не ходила, потому что затеяла грандиозный ремонт в квартире. Может, вообще никакого отношения она не имеет к пропавшим, единственная женщина в списке. Попало случайно ее дело к нам в отдел, потому что всех «потеряшек» теперь в управление тащат. Но, с другой стороны, редко такие люди пропадают – обычные, с нормальным образом жизни. Ни алкоголя, ни опасных связей, ни денег, ни романов страстных, а значит, что нет повода для убийства из мести или дележки. Разобью список на две части, элитную пропажу пускай Крячко отрабатывает с парнями еще раз, каждую мелочь в день исчезновения изучат, чтобы понять, куда они направились. А я займусь этими тремя, надо понять, относятся они к этому делу или нет. Если просто «пустышка», то останется найти связь между «золотыми» пропавшими. Хотя, конечно, там все будет сложнее, кто-то с кем-то не поделился, и начались разборки. Дележка бизнеса, как в девяностые, но уже умнее и без шумихи. Современные бизнесмены умеют прятать концы в воду, так, чтобы полиция не смогла найти даже тела. А у нас нет тела – нет дела, сложно будет, сложно...»

За размышлениями он почти не заметил дорогу до отдаленного района, где за полосой шоссе пряталось в лесочке небольшое кладбище. Гуров припарковал автомобиль на площадке неподалеку от входа, скинул оружие и куртку на заднее сиденье – наливающаяся жара давила все сильнее. На кладбище его не ждет опасность, побеседует с напарником – и назад в отдел. Опер купил букет из живых цветов у торговки. Выбрал тот, в котором желтели ярко подсолнухи, они напомнили ему такого же солнечного, полного жизни капитана Амаряна. Пошел уверенно между могильными оградками к дальнему концу кладбища, дорогу помнил хорошо, потому что приезжал первый год каждый месяц после смерти Артура из-за грызущего чувства вины. Потом стал делать это реже и все же никогда не пропускал ежегодный визит к товарищу.

Возле знакомой могилы Лев опустил на лавочку, аккуратно выложил на плиту свои подарки: цветы, стаканчик с кофе и шоколадку. Рассказал о том, как заходил к нему в кабинет Руслан, о новом запутанном деле. Говорить было легко, в голове он слышал ответы и смех капитана с его характерным говором, Артур Амарян хоть и приехал поступать еще в семнадцать лет в московский институт милиции, а потом прожил в столице половину жизни, все же не смог избавиться от мягкого, еле заметного акцента. Еще поэтому работать с ним было

легко, в разгул криминальных войн капитан Амарян быстро находил общий язык с приезжими на рынках, торговых пятачках, чтобы узнать, кто кому платит, кто делит прибыль от торговли и власть, из-за которой, по убеждению капитана, и происходили бесконечные разборки между бандитами.

Через полчаса опер попрощался тепло, подмигнул фотографии на памятнике, где Артур был без формы, в расстегнутой рубашке. Умелый фотограф поймал лукавый и одновременно теплый взгляд, губы, чуть растянувшиеся в улыбке. Только от знакомого озорного вида капитана Гурову стало еще хуже. Выходя из-за оградки, он чувствовал, как раскатывается внутри мучительное, саднящее чувство вины за то, что не уберег товарища. Опер шел по центральной тропинке, а перед глазами стояли подробности такого же августовского дня, изменившего столько жизней.

В тот день они поехали с капитаном Амаряном на рынок, чтобы опросить местных торговцев. Преступник, которого они накануне раскололи на признание в грабеже, сбежал, оглушив конвоира и отняв у него табельное оружие. По пути Артур крутил руль старенькой «шестерки» и сетовал:

– Парня жалко, молодой совсем, хоть бы выкарабкался, эксперт сказал – он ему в лицо зубами вцепился. Вот и растерялся, совсем еще зеленый. Любой растеряется, если ему лицо грызть начнет такой зверь. Ну ничего, какой бы он ни был страшный, а кушать захочет. Придется ему выбраться из своего логова, где бы он ни прятался от нас. Выйдет в кафе или за пирожком, а местные его увидят. Они все видят, все знают, но молчат. Надо просто объяснить им, рассказать, что это не человек, а зверь, убийца, и тогда они расскажут. Они хорошие люди, им в доме не нужен преступник, который людей грабит, лица им грызет, убивает.

Лев молчал, хотя с напарником был согласен полностью. Всегда местные торговцы, выслушав Артура, шли на разговор, понимая, что земляк, пусть и давно обрусевший, действует в их же интересах.

Когда «шестерка» остановилась у ряда только открывающихся киосков, Артур сразу ткнул пальцем в синюю вывеску кафе:

– Вон туда надо забежать, поспрашивать. Там хозяин знает обо всем, что на рынке произошло за день.

Их действия в следующие секунды Гуров запомнил на всю жизнь. Вот Артур выходит с левой стороны, хлопает дверца машины. Они огибают капот, делают несколько шагов вместе, уже почти плечо к плечу. Краем глаза Гуров видит, как пожилая женщина с ведром в сумке на колесиках и складным стульчиком для долгих часов торговли спотыкается и роняет свою тяжелую поклажу. Артур бросается к ней, чтобы помочь, не дать рассыпаться бережно собранным спелым ягодам. Лев чуть замедляется, чтобы не врезаться в напарника, который кинулся ему наперерез и перегородил путь. В тот момент молодой опер не среагировал так быстро, как капитан, отвлекся на движение в крошечном окошке – в будке сапожника створка окошка чуть дернулась, и застыла узкая щель, а в ней блеснуло что-то темное, металлическое. Лев только успел открыть рот, а Артур – протянуть руку на ходу, пытаясь поймать сумку. Как вдруг грохнул выстрел, потом еще один, еще и еще. Капитан Амарян рухнул ничком прямо сверху упавшего ведра, Лев бросился к будке, выждал несколько секунд и открыл огонь по крошечному окошку. Потом Гуров во время служебного расследования узнает, что беглый преступник действительно прятался в будке сапожника. Еще вечером он прикончил старенького мастера и провел ночь с трупом, а утром запаниковал, увидев двух переодетых в гражданское милиционеров, которые сутки назад задержали его, допрашивали и требовали признаться в грабеже. И тогда он открыл стрельбу, испугавшись, что сейчас снова они обнаружат его убежище. Все четыре пули, предназначавшиеся операм, попали в Артура, получилось, что капитан прикрыл Гурова от огня, от смерти.

Лев понял это не сразу, сразу после ответных выстрелов он обернулся назад, чтобы показать жестами напарнику, что сейчас будет ломать дверь и заходить внутрь киоска. Обернулся и замер. Амарян лежал, раскинувшись в огромной красной луже, У Льва тогда мелькнула в голове от шока надежда: «Это ягоды, он раздавил ягоды и лежит в луже из малинового сока». Как тут же понял, что это не сок, это кровь! Артур ранен и истекает кровью! Алая жидкость потом была везде: на сиденье машины, куда Гуров затащил напарника и повез, нарушая все правила, к ближайшей больнице; его одежда, в которой он нес капитана к входу с каретами «Скорой помощи»; его руки, которыми опер сжимал плечо напарника и умолял: «Держись, держись, слышишь, держись! Артур, держись!» Черные глаза еще блестели, хотя лицо у капитана было мертвенно-бледным от огромной потери крови – он держался. Держался за жизнь еще две недели в реанимации, боролся со смертью. И все же ослабевший организм не выдержал испытаний, слишком слаб был капитан после ранений и кровопотери. У Артура началась развиваться инфекция, через две недели, несмотря на усилия врачей, он скончался от отека легких. Хотя формально никакой вины на Гурове не было, он даже успел открыть ответный огонь и уничтожить преступника, не допустив новых жертв, Лев все же мучился от чувства вины. Вспоминал многократно каждую секунду того августовского дня и корил себя, что надо было заметить раньше блеск оружия в оконце сапожной будки, надо было быть осторожнее, надо было первому шагнуть к старушке, чтобы помочь с сумкой. Тогда этот добродушный человек с огромным сердцем был бы жив, снова угощал бы домашней выпечкой жены весь отдел или рассказывал бы в сотый раз, как его маленький сын встречает объятиями на пороге дома.

Даже спустя много лет Лев не мог отделаться от этой мысли: «Если бы тогда он сделал один шаг в сторону, если бы он шел чуть быстрее, если бы осмотрел все перед тем, как выйти из машины. Эх, сколько этих «если бы» у меня было в тот день, которые уберегли бы Артура от гибели. Даже его родные ведь ездят на годовщину его смерти в больницу, и только я знаю, что все самое страшное, непоправимое произошло, когда в черном проеме блеснуло стальное дуло пистолета. Заметил бы вовремя, остановил – и сейчас не лежал бы капитан в могиле, а нянчил внука по ночам».

Глаза вдруг резанул знакомый блеск, Гуров сам еще не понял, что произошло, как тело уже отреагировало. Он прыгнул в сторону, по траектории полета пули, и повалил на землю высокого мужчину в светлом плаще. Рядом над ухом взвизгнула пуля, отрикошетила от оградки прямо в землю. Вторая все-таки рассекла бежевую ткань плаща и ушла в траву. Тут же защелкали затворы, чьи-то сильные руки подхватили Гурова, заломили руки за спину, профессионально вывернув кисти так, что он не мог пошевелиться. Затапали ноги, голос с металлическими нотками выкрикнул:

– Туда, к деревьям, оттуда стреляли. За оградой, в лес ушел! Трое к выходу, прочесать периметр, тормозите машины на дороге, двое за ним.

Топот ног – все немедленно принялись выполнять приказ, но железная хватка по-прежнему прижимала опера к земле. Легкие шаги прошлись рядом. Шумиха и суэта вдруг сменились тишиной, стало слышно шуршание плаща. Лев видел только ноги в туфлях из тонкой кожи, слышал, как хлопает ладонь по бежевой ткани плаща, счищая налипшую при падении пыль. Потом низкий голос, который показался оперу неуловимо знакомым, приказал:

– Отведите его к машине. Я с ним сам поговорю.

– Что с похоронами, Андрей Олегович?

Тот с легкой усмешкой отреагировал вопросом:

– А что еще остается? Только похоронить. Больше ничего. Сопроводите до могилы процессию, венки, родителям компенсацию на похороны. Все, выполняйте. Я в машину. Со мной только Борис.

Раздались уверенные мягкие шаги, сильная рука подхватила Гурова и подняла с земли. Он поднял голову: вокруг окаменела процессия в черном; у всех сопровождающих покойника

были разинуты рты в немом испуге, взгляды впились в опера; только покойник невозмутимо возлежал на белом атласе. Широкоплечий мужчина с изрытым оспинами лицом подтолкнул мягко Льва в спину:

– Давай, шагай вперед. Разговор сейчас будет. – Когда они отошли на пару метров от толпы, широкоплечий предупредил: – С важным человеком будешь общаться, поэтому без глупостей. – И немного распахнул куртку, будто случайно, в движении, но на самом деле чтобы продемонстрировать незнакомцу нагрудную кобуру с пистолетом.

Лев спокойно шел к серебристому огромному автомобилю, стараясь ничем не выдать свое волнение. Испуг, как невидимый аромат, мгновенно распространяется по воздуху и будит в людях агрессию. Чтобы не притянуть к себе неприятности, лучше так и оставаться в роли случайного свидетеля, невозмутимого и владеющего собой. Начальник охраны хлопал споро-висто опера по бокам и ногам, проверяя наличие оружия. Сухо уточнил:

– Имя?

Лев на секунду замедлился, нельзя говорить настоящее имя, не надо знать этой явно не самой обычной компании, кто перед ними. И так понятно, что общение с оперуполномоченным подполковником Львом Гуровым им не понравится, поэтому пускай он станет ненадолго... взгляд наткнулся на ближайшую могильную плиту, которая скромно притаилась за зеленым кустом.

– Левон, Левон Зарубин. – Он успел незаметно прочитать надпись на памятнике и назваться чужим именем. И даже обрадовался, как удачно совпало, имя, похожее на его собственное, а значит, не придется лгать, его хитрость будет почти незаметной.

– Угу, Зарубин, – пробормотал охранник и распахнул дверцу машины, где уже сидел мужчина в плаще.

Лев чуть замешкался, но новый толчок в спину направил его в белые кожаные внутренности огромного автомобиля. Хозяин машины покачал осуждающе головой, улыбнулся, обнажая белейшую голливудскую улыбку. Он и сам был словно только что с экрана фильма – подтянутый, со свежим золотистым загаром, волосы лежат в идеальном проборе со стрелами серебристой седины. Светлый плащ, мягкий костюм, сидящий как влитой на теле, часы, переливающиеся белым золотом, каждая деталь говорила, даже кричала, что этот человек богат, уверен в себе и чувствует себя уверенно в любой ситуации. Его широкие брови слегка нахмурились, крепкие холеные пальцы похлопали по плечу оперативника:

– Простите, начальник моей охраны, Борис, бывает иногда слишком усерден в исполнении своих обязанностей. Двадцать лет службы в десанте так просто не проходят. Хочу выразить вам благодарность, вы спасли мне жизнь. Кто-то открыл стрельбу, и думаю, что эти пули предназначались мне. Вы возникли из ниоткуда и опередили убийцу и мою охрану. Похвальная реакция, моя жизнь стоит дорого... Простите, не спросил ваше имя...

– Левон. – Гуров повторил мгновенно свою ложь.

Мужчина доброжелательно кивнул:

– Говорящее имя, почти как Лев. Подходит вам, вашим реакциям. Меня зовут Альфред Риккер. Ну так вот, к делу. Я хотел бы поблагодарить вас за спасение жизни, не каждый день происходит такое. Левон, вы можете озвучить любое ваше желание. Квартиру, машину, может быть, просто определенная сумма вам нужна? Давайте без ложной скромности, вы рисковали собственной жизнью. Пули могли попасть в вас. Поэтому просто озвучьте ваше желание, и оно будет исполнено. – Мужчина шутливо взмахнул ладонями, будто разгоняя волшебную дымку.

Гуров не сводил с него глаз, отчасти от удивления, а отчасти пытаясь незаметно рассмотреть необычный шрам на внутренней стороне ладони Риккера. Белая шестиконечная звезда рассекала кожу белесыми полосками ровно по центру, а между ее лучами синели татуированные точки.

– Ну же, вижу, предложение вас удивило. – Альфред снова обнажил белоснежные зубы. Он примирительно похлопал собеседника по плечу. – Давайте договоримся так, я буду ждать вас сегодня в шесть вечера в кафе «Летучая мышь» на Старомосковской. Приходите, если появится пожелание, то скажете его, и я постараюсь в знак благодарности за спасение жизни его исполнить. Если вы здоровы, богаты, ни в чем не нуждаетесь, что ж, я сам определю ту сумму, в которую оцениваю вашу услугу, и вручу вам простую и вечную благодарность – деньги.

Снова крепкое рукопожатие, ослепительная улыбка. Гуров с любопытством уточнил:

– А кто в вас стрелял, нашли этого человека?

Улыбка Альфреда превратилась в оскал, лицо закаменело в непроницаемую маску:

– Мы разберемся, Левон. Или у вас профессиональный интерес? – Уголок губ приподнялся в легкой ухмылке. – Я много видел за свою жизнь и умею определять сотрудников внутренних органов. И все же это ничего не меняет в моем предложении, вы спасли мне жизнь, и я хочу вас отблагодарить. Жду сегодня в шесть в условленном месте.

Гуров кивнул:

– Я приду.

Дверца тотчас же мягко распахнулась, каким-то неведомым образом охранник понял, что его хозяин закончил разговор. Гуров вышел из машины, столкнулся с колючкой серых глаз Бориса, тот внимательно, по сантиметру, ощупал незнакомца. Лев коротко кивнул в ответ, даже не пытаясь скрыть волнение, которое бушевало внутри. Нет смысла врать и изображать невозмутимость в такой ситуации, когда ты под прицелом у каких-то непонятных личностей с оружием и деньгами, лучше выглядеть обычным, слегка напуганным происходящим человеком. Гуров не стал садиться в свою машину, прошел мимо и направился к остановке, откуда ходили автобусы в центр. Хотя вещи и оружие он оставил в машине, а в кармане лежала лишь какая-то мелочь, которой могло не хватить даже на билет в один конец, но он понимал – нельзя себя сейчас выдавать. Номер машины, куда он направляется, любая деталь выдаст его настоящую личность. Лев не торопясь зашел в полупустой автобус, рассчитался, встал на площадке рядом с кабиной водителя и всмотрелся в боковое зеркало. Как он и предполагал, в зеркальной полоске виднелся черный бок – неприметная шустрая иномарка с крепкими сотрудниками охраны проследовала за ним. Мистер Альфред Риккер – не такой милый чудаковатый иностранец, каким хотел казаться. За добродушным тоном и широкой улыбкой опер смог поймать стальную сущность этого человека, который может с одинаковой легкостью как одарить, так и отправить на смерть. Еще эта звездочка на ладони, чутье на людей в погонах, совсем непростой персонаж попался ему на кладбище. После нападения на него Риккер не кинулся в полицию с криками о помощи, а хладнокровно принялся распорядиться церемонией, вести дальше свои дела.

Лев уселся на свободное сиденье, чтобы внутреннее напряжение хотя бы немного спало. Голова заработала ясно: теперь он знает, куда двигаться дальше. Машина пускай остается рядом с кладбищем, запасной ключ есть у Крячко, он сможет с парнями отогнать автомобиль вечером к управлению и забрать вещи напарника. Дальше ему нужен тот, кто поможет опознать Альфреда Риккера. В том, что иностранец не тот, за кого себя выдает, Лев уверен на сто процентов. Может, и есть у этого человека иностранное гражданство, но родился он и вырос здесь, в России, причем заработал свое богатство в смутное время перестройки и преобразования СССР в Российскую Федерацию. Такое прошлое ни за какими голливудскими улыбками не спрячешь. Гуров перебирал в уме, кто может ему помочь разобраться с татуировкой, и вдруг с облегчением выдохнул, приметив в окно автобуса знакомый пейзаж – поликлиника, старый заводик и грузовики, возле которых сновали грузчики с лотками хлеба. Полковник Мичурин, который прослужил в отделе оперативного розыска сыскарем десятки лет, начав ловить бандитов сразу после войны, а закончил свою работу в архиве. Там он долго был таким внештатным аналитиком для молодых оперов, они ежедневно бегали к нему за советом, так как память

у Мичурина была феноменальной. Пенсионер, хоть и ослабел зрением с годами, из-за чего пришлось окончательно выйти на пенсию и даже оставить работу в архиве, но голова его по-прежнему оставалась невероятно ясной, а память хранила огромное количество информации, которой не найти ни в одной базе данных. Поэтому сейчас, узнав местность, где обитал Иван Митрофанович Мичурин, опер подскочил с мягкого сиденья и бросился к дверям. Они с шипением выпустили его на улицу, а асфальтовая дорожка зазмеилась под ногами, ведя через пару дворов напрямиком к скромной пятиэтажке, где жил Мичурин.

На трель звонка по коридору раздалось шарканье тапками. Дверь распахнулась, и старик радостно воскликнул:

– А я только сегодня вспоминал про тебя, Лева. Думаю, забегался, заработался, пропал. Ну, заходи, заходи, я чайник только вскипятил, свежего заварил с мятой. – Мичурин суетился в тесном коридорчике вокруг нежданного гостя. Он вытащил мягкие тапки, потом выставил на стол крупно нарезанные бутерброды, разлил крепкий чай по огромным чашкам.

При этом радостно расспрашивал, понимая, что всегда занятой опер пришел к нему по делу. Не обижался на младшего товарища, сам жил такой жизнью до выхода на пенсию и знал, сколько сил отнимает расследование преступлений.

– Ну, Лева, как там в управлении? Что нового?

– Двенадцать потеряшек за неделю, и не простых, а сплошные депутаты да бизнесмены. И самое странное, что нет тел, но при этом никто не требует за них выкуп. То есть непонятно, кто и зачем их похитил.

– Ох, – покачал головой старик. – Представляю, что в отделе творится. Три шкуры дерут, требуют, чтобы немедленно поймали преступника. Тем более никаких улик, вообще непонятно, что произошло, то ли убийства, то ли похищения. Хоть зацепки есть?

Гуров тяжело вздохнул, ребята с Крячко во главе как раз работали над поиском единой версии, но рассказать старику что-то внятное он до сих пор не мог.

– Даже слишком много вариантов, у таких людей всегда много врагов, завистников, конкурентов.

– Это да, – закивал согласно пенсионер. – Работы много с такими делами, а толку может и не быть. Слишком много версий – считай, ни одной. Можно долго от пропавшего к пропавшему метаться и так и не найти, куда они делись.

Лев сокрушенно pokrutil головой и признался:

– Да я совсем не по этому делу. У меня другая загадка, вылезла случайно сегодня.

И он подробно рассказал старику о сегодняшнем нападении, как он, движимый инстинктом, спас иностранца. И теперь хочет понять, с какой птицей столкнулся. Когда опер подробно описал татуировку, пенсионер подскочил с табурета и бросился в дальнюю комнату. Оттуда он вернулся с пухлым альбомом, полным черно-белых фотографий. Он торопливо листал картонные листы и бормотал под нос:

– Звезда, звезда, так, вот, это не то, это четырехконечная. Сейчас, сейчас, я узнал ее. Вот! – Палец ткнул в фотографию ладони трупа, лежащего на прозекторском столе.

Мичурин потянулся и достал очки помощнее, наклонился над старым фото:

– Это я сам лично делал фотографии для своей коллекции криминальных татуировок. Мертвец – член банды, погибший в перестрелке. И не простой, а правая рука главаря. Сам организатор по кличке Горец от фамилии Горецкий исчез после той стычки, больше пяти лет они заправляли всей Москвой в конце восьмидесятых. У них хранили воровской общак разные группировки, через них сделки делали, договаривались о распределении районов. Главарь был очень умным, дипломатом, со всеми получалось договариваться, коронованный вор в законе. Горец, как Швейцария, держал нейтралитет, а остальные держали у него свои деньги. Со всеми, кто пытался противиться их власти, жестоко расправлялись. В один день все лопнуло как пузырь, все приближенные Горца были убиты, сам он исчез. Бандиты даже в милицию к

нам обращались, представляешь? Хотели, чтобы мы его нашли, и с ним деньги этого подпольного банка. Речь шла о миллионах долларов, ну, мы посмеялись всем отделом, хотя розыск начали. Единственное, что получилось – это отследить его путь в аэропорту. Горец был там в день убийств остальных членов банды, его опознали регистраторы на стойке информации, он улетел в Таллин якобы на отдых. Дальше след потерялся, Горец уже десятки лет как в розыске безрезультатно. Тем более здесь у него ни семьи, ни близких не осталось, не положено ворами в законе иметь семью. А своих поделщиков он порешил своими же руками, чтобы не делиться деньгами и чтобы они его не сдали бандитам. Но это моя версия событий, так сказать, выводы, а как оно было на самом деле, сейчас уже никто не докопается, столько лет прошло.

За толстыми стеклами блеснул торжествующий взгляд:

– Хотя кажется, Лева, тебе выпала честь разгадать эту загадку. Смотри, у всех, кто входил в верхушку группировки, была одинаковая метка – шрам в виде шестиконечной звезды, по количеству главных членов. Шесть человек наверху – шесть лучей у звезды, а точки между лучами в татуировке – это иерархия, чем их больше, тем выше пост у человека в группировке. Сколько точек у твоего иностранца было?

Гуров закрыл глаза, чтобы снова увидеть, как Риккер машет ладонями, изображая волшебство. Он уверенно кивнул головой:

– Пять точек, все просветы были заполнены.

От волнения старик подскочил со своего места:

– Это Горец! Он единственный из банды, кто не был найден мертвым. Официально Горецкий числится пропавшим без вести, доказательств его смерти так и не нашли. Ни тела, ни могилы, ни свидетелей событий того дня. Пропали все деньги, к которым доступ был прежде всего у него. И последний его след – это самолет в страну, которая граничит с Европой. – Он вдруг схватил Льва за руку. – Лева, будь осторожнее! Не ходи на встречу! Это непростой человек, очень непростой! Хитрый и безжалостный. Он нарушил законы даже своей воровской среды, предал всех близких. Он преступник среди преступников, и если он поймет, что ты узнал его... что ты обнаружил его старую личность... Мы даже не можем его арестовать, обвинения против него не было выдвинуто никакого. Перед законом он чист, бояться ему некого. Все те бандиты, главарь, рэкетиры и короли воров сгинули в том страшном времени, лежат на кладбищах или на пожизненных сроках в тюрьме. Но он на свободе, с деньгами, с паспортом этого Риккера. Если поймет, что ты догадался... Он не оставит тебя в живых, все его благодарности быстро обернутся в пулю и каменный мешок. Нет, нет, я не пушу тебя на встречу с ним!

Мичурин побледнел, его затрясло от собственного открытия, но он не выпускал плечо Гурова из дрожащих пальцев. Лев мягко успокоил старика:

– Иван Митрофанович, все в порядке будет. Меня ребята прикроют. Я сейчас с ними свяжусь и попрошу, чтобы наряд дежурил рядом с кафе.

– Нет! – Старик встряхнул его со всей силы, в голосе прорезались прежние стальные нотки. – Ты не понимаешь опасности, Лев! Он ведь следил за тобой, да? Пустил своих охранников по следу за тобой?

– Да. – Опер смутился. – Простите, что привел их к вам. Я сейчас уже уйду, вы будете вне опасности. Извините, я не знал, кто это и что собой представляет. Просто только вы так разбираетесь в бандитских татуировках. – Он попытался встать, чтобы пройти в коридор.

Но старик всплеснул руками:

– Нет, не отпускаю тебя ни за что! Пускай следят за домом, ничего страшного в этом нет. Я для них никакого интереса не представляю. Старик на пенсии, что с меня взять. А вот ты... если Горец узнает, что ты из органов, действующий опер... Он может решить, что нападение и спасение были подстроены для внедрения в его окружение. Что полиция пытается раскрыть его личность и задержать. Нет, Лева, ни в коем случае тебе нельзя себя выдавать. Оставайся пока у меня, звони жене и скажи – срочная командировка. С одеждой сообразим что-нибудь,

а с Орловым я лично поговорю, объясню ему ситуацию. Это смертельная угроза, как ты не понимаешь?!

Гуров опустил на стул обратно – Мичурин прав: если Горец поймет, кем является его спаситель с кладбища, то расправится с ним, не задумываясь. На кону свобода и жизнь, а за Горцем по-прежнему ведется охота, нападение на кладбище это подтвердило. Значит, кто-то из прежних «королей» преступного мира узнал о его приезде. Лев от досады стукнул кулаком по столу. Именно сейчас, когда у него важное и срочное задание, когда генерал Орлов вздрагивает от каждого телефонного звонка, угораздило же его вляпаться в историю с Горцем.

Иван Митрофанович тем временем успокоился, протер очки белым платочком и предложил:

– Вижу, вижу, сердисься, спутал тебе все планы Горец. Давай так, пока ты будешь на встрече, пускай ребята привезут из отдела все дела ко мне. Только не к дому, а то вдруг и тут наблюдателей еще не уберет Горец. К хлебозаводу пускай на неприметной машине подъезжают, я уж сам авоську с бумагами донесу. Крячко по официальной линии пробьет, что за птица этот мистер Риккер. Откуда приехал, зачем, когда обратно. Так, что еще... ну а что сейчас думать. Иди на встречу, потом назад. Деньги не бери, Лева, грязные они у него, кровавые. Главное, сейчас с себя все подозрения отвести, чтобы отцепился от тебя Горец со своими ребятами. А дальше будем всю ночь с бумагами разбираться, у меня кофе есть хороший. Посидим, покумекаем, может, сгожусь еще на дело. Уж лишним грузом точно не стану.

Лев обнял старика:

– Что вы, Иван Митрофанович, да вы просто... волшебник, все продумали мгновенно. Очень хороший план. Вы правы, поеду на встречу, а потом вернусь к вам. Через сутки решим, как избавиться от назойливого внимания Горца.

– Не горячись, Лева. – Пенсионер, успокоенный тем, что Гуров согласился переждать у него опасный период, да и предстоящая работа будоражила, принялся перебирать альбом, чтобы перепроверить свою догадку. Он вдруг поднял голову и улыбнулся. – Ничего случайного не бывает в этом мире, а почему и для чего тебе Горец на пути встретился, это уж будем ночью думать. Бутербродов нарежу, кофею, и на всю ночь за бумажки сядем. Эх, все как в прежние времена.

Лев с облегчением выдохнул и улыбнулся в ответ:

– Все, я сейчас со Стасом переговорю, дам ему поручение, а дальше уже пора на встречу с мистером Риккером выдвигаться.

Работа в старой квартирке закипела. Пока Мичурин гремел на кухне, собирая нехитрый ночной перекус, Гуров набрал номер Станислава Крячко. Напарник ответил мгновенно:

– Лев, где тебя носит? Уже Орлов заходил, спрашивал, как продвигается изучение. Он сейчас уехал к министру, на нем лица нет, докладывать нечего. Табличку я твою составил, двое ребят еще освободились к нам в помощь. Куда дальше выдвигаться? Время идет, а мы сидим!

– Тише, ситуация резко изменилась, – осадил нетерпеливого коллегу Гуров.

Он рассказал о перестрелке на кладбище, о догадке Мичурина, и теперь уже Крячко с досадой воскликнул:

– Ну не раньше и не позже вылез этот Горец, нам вообще не до него сейчас.

– Не кипятись. – Лев постарался успокоить Стаса, который заводился мгновенно и терял способность к размышлению из-за взрывного характера. – Просто понадобится немного конспирации на всякий случай, чтобы избавиться от внимания мистера Риккера и его желания озолотить меня за спасение своей жизни. Задание Орлова я выполню, проанализирую все дела и постараюсь вытащить, что их объединяет. Ты пока прикрой на встрече с Риккером, если он и есть Горец, то может по старой памяти устроить разборку прямо в кафе. Одного из парней отправь за моей машиной на кладбище, пускай отгонит к отделу. Второго с бумагами по «потеряшкам» направь к Мичурину. Он встретит сотрудника на остановке у хлебозавода и заберет

дела. Орлову пока ничего не говори, я всего лишь сделаю ту же работу не в отделе, а на квартире у Мичурина. Утром сам решу, как ему доложить о новых обстоятельствах.

– Лев Иванович, проси квартиру в центре Москвы в качестве благодарности, – хохотнул Крячко, который снова обрел свою насмешливую манеру, когда понял, что на него не навалится весь груз бумажной работы. – Ты у нас с принципами, так что мне отдашь. Я на любое жилье согласен, с привидениями или кровавым следом, но не меньше шестидесяти квадратов, чтобы было парковочное место во дворе, поликлиника рядом и школа хорошая. Да, и окна во двор, а не на дорогу, как у нас.

Гуров не смог не улыбнуться шутке друга, который уже второй год искал возможности переехать в квартиру побольше, чтобы разместить растущих детей по разным комнатам. Действительно, на его месте Стас бы долго не размышлял о желании, которое может исполнить в обмен на жизнь американский богач.

И тут же Крячко стал серьезным, он умел, когда это было необходимо, за секунду становиться профессионалом:

– Я сейчас раздаю поручения ребятам, потом на адрес. Проверю заранее отходные пути, отправлю в СМС, куда можно будет двинуть, если что-то пойдет не по плану.

– Жду, – коротко попрощался Лев Гуров.

Оперативник завершил звонок, потом написал сообщение жене, чтобы она не волновалась, что придется заночевать на работе. Ненормированный график, дежурства, ночевки в рабочем кабинете уже давно для нее стали нормой, а рассказывать подробности случайной истории и беспокоить Марию он не хотел. Лев взглянул на себя в зеркало: пора привыкать к новому образу и новому имени – Левон Зарубин. Главное – быть естественным и внимательным к каждой детали, ему нечего бояться. За спиной стоит невидимая стена из коллег, бывших и настоящих. Он прислушался, как шумит на кухне Мичурин, представил, как Стас сейчас уже садится за руль машины, чтобы поспешить обследовать кафе перед началом встречи, и расправил плечи. Больше не было внутри тревоги, он точно знал, что с такой поддержкой встреча пройдет без проблем.

Глава 2

У входа в кафе Гуров стоял ровно в 18:00, как и условился с Альфредом Риккером. Он на ходу бросил равнодушный взгляд мельком на публику за столами: парочки, шумная компания, осоловевший мужчина рядом на высоком барном стуле. Тот сидел с грустной физиономией над стаканом с желтой жидкостью и, казалось, не обращал внимания на происходящее вокруг, но Гуров знал, что сейчас Крячко абсолютно трезв и внимательно наблюдает за происходящим через зеркальную стену бара, где между бутылками отражались все столики.

Улыбчивый мистер Риккер в окружении мрачных охранников уже ждал своего гостя за щедро заставленным едой столом. От общего пространства его столик был отделен мягкими перегородками, так что музыка и голоса звучали едва слышным фоном. По движению брови вся охрана растворилась в полумраке коридора, они остались наедине. Альфред вопросительно наклонил голову:

– Ну что же, Левон, у вас появились желания?

Гуров спокойно ответил:

– Нет. Я пришел на встречу из уважения к вам, но за свой поступок не хочу оплаты или подарков. Спасать человеческую жизнь – это нормально. Вы живы, и этого достаточно.

Он покосился на тугий кожаный портфель, приготовленный, по всей видимости, для него на бархатном диване:

– Деньги тоже не возьму. Если вам так необходим этот откуп, то потратьте на благотворительность. Лечение детям или помощь старикам – они нужнее. Спасете другие жизни, как я вашу.

Риккер расхохотался искренне и заразительно, потом погрозил пальцем Гурову:

– Я так и знал, что вы откажетесь. Ну что ж, хотя бы ужином могу вас угостить? Не за спасение, просто один хороший человек угостит другого хорошей едой. Прошу вас, присаживайтесь. Уверен, что мы найдем общие темы и приятно проведем время.

Льву не нравилась настойчивость нового знакомого, но пришлось подчиниться. Не стоит раздувать противостояние с тем, за чьей спиной стоит десяток вооруженных охранников.

Риккер прищурился лукаво:

– Вы ведь работали в органах и не мало, не правда ли? От меня трудно скрывать свою сущность. Почему ушли?

Лев неопределенно ответил:

– С новым начальником не сошлись характерами.

– И чем теперь занимаешься? Ничего, что перешли на «ты»? Сидя за одним столом, можно обойтись и без формальностей. Ты как на это смотришь?

– Согласен. – Лев, он же Левон, принял правила игры.

Раз уж не удалось уйти просто, то можно расспросить Риккера о нем самом и внимательно отследить реакции. Опер научился на своей работе различать на лице человека даже мельчайшие признаки лжи или беспокойства. Но для начала надо показать, что он расслабился и стал доверять странному иностранцу. Лев тщательно исследовал то, что стояло на столе, потом положил себе щедрую порцию салата, отбивную и налил полный стакан минералки. Американец довольно ухмыльнулся – лед растаял, и наконец сдержанный Левон пошел на контакт. Он сам плеснул себе стопку прозрачной жидкости и чокнулся аккуратно краем о стакан оперативника:

– Ну что, будем здоровы, а остальное приложится!

Они выпили, захрустели закусками и салатами. Гуров решил, что не будет строить из себя недогадливого дурачка, просто будет собой, лишь немного скроет истину. Уточнил то, что волновало его сейчас:

– Удалось найти того, кто стрелял? Задержали?

Альфред блаженно откинулся на спинку дивана, покачал отрицательно головой. Потом вдруг спросил:

– А чем ты зарабатываешь на жизнь, Левон? Как живет бывший сотрудник внутренних органов?

Лев пожал плечами:

– Беру заказы, если кого-то надо найти, сфотографировать. Разное бывает, родственники ищут пропавшего, параллельно меня нанимают в помощь полиции. Чаще всего ревнивые супруги хотят знать, чем занимается их вторая половина в свободное время.

– В Штатах это называется частный детектив, и это тоже чаще всего бывшие полицейские, – кивнул Альфред. Он неожиданно отодвинул тарелку в сторону и наклонился поближе к Гурову. – Послушай, я знаю, что тебе нужны деньги, я видел, как ты живешь. Обычная панелька, спальный район. Ты мне нравишься, ты спас мне жизнь и не берешь за это награду, поэтому я предлагаю тебе отработать этот гонорар. Я удвою сумму, если ты узнаешь, кто организовал на меня нападение. Не кто стрелял, а именно организатор. Дальше я сам разберусь. Твоя работа будет только сбор информации, ничего больше. Никто не узнает о нашем договоре, только ты и я.

Гуров недоверчиво слушал собеседника:

– У вас целый штат личной охраны, разве они не могут заняться этим?

Альфред недовольно дернул плечом, скосил глаза на вход в отдельный кабинет, за которым стояла невидимая охрана:

– Я плачу им за другое, Борис и его ребята отвечают прежде всего за мою безопасность. У них ни времени, ни... возможностей. – Риккер мягко обошел тот факт, что он невысокого мнения о способностях своей охраны. – Задание особенное, специфическое. Понимаю, что тебе надо время. Вот моя визитка. – Перед Гуровым легла плотная картонная карточка с лаконичной надписью на английском. – Жду завтра звонка с решением. Если откажешься, в обиду не буду. Но, думаю, тебе будет интересно, это не семейные адюльтеры, а настоящее дело. Надеюсь, ты соскучился по настоящему сыску.

Про себя Гуров усмехнулся, недаром мудростью Горца восхищался весь криминальный мир. Мгновенно нашел кнопки, которые сработают, и нажал. Не хочешь денег, держи тогда профессиональный интерес. Он хоть и на другой стороне закона, а знает, что не бывает бывших сыщиков, это в крови оседает – желание узнать истину. Лев тоже откинулся на спинку дивана, мягкие подушки обволокли тело. Он отодвинул стакан и тарелку подальше, чтобы подчеркнуть деловой стиль разговора:

– Если я соглашусь, мне нужна информация о вас. Понимаете? Мне нужно будет знать о вас все: с кем живете, кто вас любит, кто вас ненавидит, как вы зарабатываете деньги. У состоятельных людей много врагов, недоброжелателей.

Риккер снова разразился звонким смехом, от которого тоже так и тянуло улыбнуться. Он кивнул:

– Я вижу, Левон, что ты профессионал. Не надо так глубоко, мне нужна лишь информация о том, кто был на кладбище, кто стрелял в меня.

Он вдруг стал серьезным, посуровел:

– Я уже много лет являюсь гражданином другой страны. Да, я из России, даже больше тебе скажу – из Москвы. Но я не бывал здесь десятки лет, поэтому все мои враги и друзья теперь слишком далеко, чтобы мстить мне. Да никто и не знает о поездке, визит неофициальный из-за печального повода. Мои интересы в России представлял Олег Шанурин, и сейчас он внезапно скончался. Автомобильная авария, так что смерть – она всегда рядом ходит. Я не мог не приехать на похороны партнера. Поэтому это нападение меня так удивляет, никто, поверь мне, Левон, никто не знает, что я в России. Ни мои бизнес-партнеры, ни моя семья. К тому

же я много лет веду дела в Америке, там не используют такие методы работы с конкурентами. Да и в России эти времена прошли.

– Какой бизнес от вашего лица вел здесь Шанурин?

От этого вопроса Риккер отмахнулся:

– Инновационные технологии, изобретения, экологичная энергия. Сейчас в Европе просто помешаны на этом, тут тоже проявляют интерес. Я инвестировал проект целиком, он по-прежнему принадлежит юридически моей компании. Никаких попыток захвата, проект принадлежит мне, и никто на него не покушается. Если бы не стрельба на кладбище, то никакого криминала в нашей работе ни один профессионал не найдет. – Вечная улыбка вдруг сползла с лица, Альфред стал серьезным. – Во всем мире в бизнесе действует такое понятие, как репутация, если вести дела нечестно, то никто не захочет с тобой работать. Это я выучил твердо, и хотя я по рождению русский, но веду теперь дела, как американец. Все налоги, зарплаты, отчисления – все кристально чистое, строго по закону. Я честный человек и веду честный бизнес. – Риккер задрал подбородок от гордости за свое заявление.

Гуров подумал про себя: «Ну теперь-то да, когда деньги отмыты от крови, можно бить себя в грудь и гордиться тем, что ведешь дела по закону». Вслух же он только произнес:

– Я понял, да, возьму паузу и дам ответ завтра. Слишком мало ясности и слишком много ограничений.

Проницательный взгляд голубых глаз засиял прищуром:

– Не хочешь браться, потому что не уверен, что получится выполнить задание? – Риккер наклонился поближе и почти прошептал: – Именно поэтому я хочу нанять тебя, Левон, я вижу, что ты перфекционист и выжмешь максимум информации. Давай так, я заплачу всю сумму в любом случае, будет результат или нет. Я уверен, что ты используешь все свои возможности, я доверяю тебе, моя интуиция говорит, что тебе можно доверять. Ты будешь соблюдать договор.

Но Лев был непреклонен, он попрощался коротким кивком головы:

– Я позвоню завтра. – И нырнул из приватного пространства в общий зал. Людей здесь заметно прибавилось, мужчина за стойкой стал еще пьянее, но все еще держался на своем стуле. Лев коснулся воротника куртки, подавая условный знак «все хорошо». Тотчас же пьяный мужчина соскользнул со своего места и направился шаткой неуверенной походкой к дверям. Он картинно закривлялся перед стеклянной створкой, пропуская вперед стайку нарядных девушек. В этой суматохе Льву удалось быстро выскользнуть наружу и отойти подальше от сияющей огнями вывески. Теперь темнота его скрыла почти полностью, он взмахнул рукой и остановил машину с «шашками». Уже в салоне разрешил себе обернуться, так и есть, за ним следуют две машины. Одна почти нос к носу – охранники американца, а во второй поодаль в другом ряду движется параллельно напарник. Крячко, несмотря на то что встреча прошла спокойно, ехал за ним до самого дома Мичурина, чтобы убедиться – Гурову не угрожает опасность.

Из такси опер не спеша поднялся по лестнице и постучал условным перебором, чтобы пенсионер понял – все в порядке, и он вернулся без ненужного сопровождения. Старик торопливо загремел замками, без лишних вопросов потянул Гурова на кухню. Здесь уже дымился кофе в чашках, от бутербродов Лев отказался. Терпение хозяина не стал испытывать, в подробностях пересказал прошедший вечер и замолчал, ожидая реакции Ивана Митрофановича. Тот крутил очки в руках, о чем-то задумавшись. У Льва зазвонил телефон, Крячко отчитывался об обстановке на улице:

– В машине один, припарковался, я так понимаю, всю ночь будет в карауле тут сидеть. Мне за ним присмотреть?

– Нет, спасибо, Стас. Давай домой, утром на планерке, может быть, встретимся. Не знаю, как незаметно от наблюдателей в управление приехать.

Голос у напарника был усталым, после работы ему пришлось несколько часов прикрывать товарища. Он тяжело вздохнул:

– Утром что-нибудь придумаем, что мы сделаем, если этот Горец прицепился к тебе как банный лист. Квартиру не предлагал?

– Нет. – Лев улыбнулся, Крячко всегда мог поднять ему настроение своим шутками, даже если ситуация казалась хуже некуда.

Стас зашуршал бумагами в трубке:

– Так, тут, кстати, мне очень милая девушка в посольстве предоставила информацию по этому американцу. В общем, Альфред Риккер, гражданин Соединенных Штатов, прибыл туда из Финляндии. Владеет бизнесом вполне успешным, у него парк строительной техники и бригады рабочих. В России он президент какого-то фонда «СанСити». Непонятно, что это, в бумагах написано просто «фонд развития новейших технологий». Роботов, что ли, делает? Не судим, не привлекался, даже штрафов нет. Так, что еще. Дочь, внуки, в разводе. Живет в Филадельфии. Лев, ты был хоть раз в Филадельфии?

– Нет.

– И я тоже, – вздохнул Крячко. – Я вообще за границей был один раз, в свадебном путешествии летали с Натальей в Прагу. Ладно, я поехал домой, а то меня жена отправит в путешествие на диван в кабинете за то, что снова на работе задержался. До завтра.

– До завтра, – попрощался оперативник и повернулся к хозяину кухоньки. – Ну что ж, Иван Митрофанович, за работу.

Тот согласно кивнул и открыл первую папку. Они принялись прочитывать все дела, отмечая сухие факты в таблицу на большом листе бумаги. Часы в комнате мерно отмеряли время, пару раз Мичурин снова варил им кофе. В четыре часа ночи, видя, что старик держится из последних сил, Лев предложил:

– Осталась пара дел, картина общая ясна. Я разберу их до утра. Сейчас у вас есть какие-нибудь предположения?

Пенсионер покрутил головой и усмехнулся:

– Да ты знаешь, а я все думаю про Горца. Ведь и правда, кто мог знать о его приезде из его прошлой жизни? Он и имя сменил, и внешность, думаю, основательно подправил. Странно все это, Горец вдруг всплыл на горизонте, его компаньон разбился внезапно, столько людей пропало. И все за такое короткое время, мне кажется, что это все как-то связано, но не могу понять как. И что теперь тебе делать с предложением Горца? Не хочешь его принять? Так будет проще подобраться к нему. Эх, жаль, нет времени покопаться основательно, все разузнать о его приезде, чую, вот чую, что там что-то нечисто.

– А про исчезнувших? Что вы думаете?

Мичурин медленно прошелся глазами по таблице:

– Единственное, что я вижу, это то, что они все не молоды. – На удивленный взгляд Гурова он кивнул. – Да, в моем возрасте обращаешь внимание на такие вещи. Посмотри, все старше пятидесяти лет, нет ни одного молодого человека. Ну, и конечно, власть, деньги. Хотя вот эти трое совсем не из этого списка. – Пенсионер тоже указал на фамилии Романчук, Рогача и Плесова. – Так что пока возраст – это единственное, что их объединяет.

Лев кивнул:

– Хорошее замечание, хотя и не понимаю, что это могло бы значить. По поводу Горца мне надо в любом случае согласовывать все с генералом Орловым, завтра он ждет меня на планерке. Расскажу ему о том, что случилось, пускай решает, надо ли обращать на воскресшего Горецкого внимание. Вы отдохните немного, думаю, в шесть утра придется придумывать и реализовывать хитроумный план, чтобы отвлечь охранников американца. Не хочу притащить их на хвосте в управление.

Старик заулыбался, несмотря на смертельную усталость:

– Обязательно придумаем что-нибудь. Ох, я столько этих фокусов знаю. Не переживай, проскочим под носом. А мне и правда лучше прилечь, после отдыха вдруг придет свежая мысль. Ты располагайся, как удобно. Кофе в заварнике, если что, есть свежий.

Он прошаркал в другую комнату, там заскрипели пружины старого дивана, и скоро раздался тихий храп. Утомленный бессонной ночью Мичурин уснул мгновенно. У Гурова глаза тоже слипались, строчки дел сливались в одну черную полосу. Но он упрямо вчитывался в сухие формулировки протоколов, внимательно обдумывая каждый факт, указанный в документах.

Сейчас ему даже фамилии пропавших казались одинаковыми, мужчины, почти все мужчины, если бы не Ольга Романчук, то можно было бы объединить их по этому признаку. Табличка рассыпалась на отдельные ячейки, ни в одном столбце не стояли плюсы напротив каждой фамилии. Они жили в разных районах, работали в разных местах, не были знакомы друг с другом, вели разный образ жизни... Что же могло их объединять? Единственный плюс – столбец с возрастом, все пропавшие старше пятидесяти, кто-то уже успел выйти на пенсию. Мысли оперативника от усталости разбегались в стороны, не желая сосредоточиться и найти ту самую важную, главную зацепку – крошечный факт, который соединит разрозненные кусочки в одну картину. «С утра отправиться к родственникам инженера, потом опросить коллег Романчук о дне ее пропажи, одного заслать по семьям чиновников и бизнесменов, чтобы видели, что работа ведется. Крячко, чем ему заняться? Может быть, отработать версию с возрастом? А какая версия, что за маньяк, который убивает людей старше пятидесяти? И как его искать? Может, психолога привлечь, отработать этот вариант? Странно, конечно, что одна женщина и девять мужчин... вообще не вписывается в типичную для маньяка картинку... И кто все-таки пытался убить Горца, хорошо бы разузнать подробности смерти его партнера. Хотя Горецкий и утверждает, что произошла просто случайная авария, любой факт необходимо проверять. Как бы еще избавиться от «наружки», тяжело жить двойной жизнью, когда спина все время чувствует чужой взгляд».

Лев Гуров сам не заметил, как его голова склонилась вниз, он уперся щекой прямо в бумаги и задремал. Сквозь сон слышал голос Мичурина, с удивлением отмечая, что пенсионер с кем-то ведет долгий разговор в шесть утра. Но глаза никак не хотели раскрываться, несмотря на бьющий изнутри тревожный импульс «вставай, проснись, надо подготовиться к докладу у генерала, продумать, как добраться до управления незаметно для охраны Горца». Даже во сне все разбивалось на отдельные кусочки, мысли, догадки, отчего брови Льва сошлись в печальную скобку, а губы сжались в суровую линию, словно пытаясь остановить тревожный поток.

Разбудили его знакомые голоса. Спросонья Лев поднял голову и с удивлением прислушался – почему в квартире Мичурина звучит голос его начальника, генерала Орлова. Он едва успел привстать с дивана, чувствуя, как все тело затекло от короткого сна в неудобной позе, как в дверях показался и сам Петр Николаевич. Одет генерал был странно: спортивный костюм, кроссовки, на голове мягкая повязка, которую используют бегуны во время занятий, чтобы пот не тек на глаза. Петр Николаевич бодро воскликнул:

– Доброе утро, Лев Иванович! А мы тут с Иваном Митрофановичем уже кофе распиваем, ранние пташки!

Лев удивленно прислушался к звукам с кухни, потом не удержался и спросил без соблюдения всяких формальностей, к тому же вид начальника был как раз уместен для разговора без церемоний:

– Петр Николаевич, а вы откуда здесь? И вы... – Со сна он не мог подобрать слов, чтобы вежливо выразить свое удивление странным нарядом генерала.

Но тот и сам уже радостно ответил на все незадаанные вопросы:

– Почему я вышел на пробежку и оказался вдруг в квартире пенсионера МВД? Ну, как тебе сказать, провожу оперативное мероприятие и применил маскировку, чтобы сбить с толку

тех, кто у подъезда караулит. – Петр Николаевич Орлов покачал головой. – А если без официоза, то, Лев Иванович, расстроен я. Что мой лучший сотрудник меня проигнорировал, не сообщил об опасной ситуации. Не доверишь мне, Лев?

Гуров опустил голову, будто провинившийся школьник:

– Не хотел беспокоить, Петр Николаевич. Планировал сегодня доложить вам о произошедшем. Вас и так задержали, еще я в историю вляпался.

Орлов стукнул слегка кулаком по плечу подчиненного:

– Я же не барышня кисейная, Лев, я опер, такой же, как и ты. В обморок не грохнусь, если плохие новости услышу. И должен понимать, что с моими сотрудниками, с моим отделом происходит. Я всегда вас прикрою, ты же знаешь. Горой в любой ситуации. Мне утром позвонил Иван Митрофанович, пока ты спал, рассказал о нападении на кладбище, о вашем предположении, что вернулся Горец. Про слежку, поэтому я в таком виде. Пришлось изображать, что вышел на пробежку, чтобы подозрений не вызвать. Хотя твой наблюдатель дрыхнет сладко в машине, я проверил, тот еще работничек. Поэтому считай, что у нас тут ранняя планерка, будем принимать решение, как двух зайцев поймать – Горца прощупать и свои дела доделать. Даю тебе пятнадцать минут на душ и прочие процедуры, приводи себя в порядок – и на совещание.

Лев кивнул согласно и направился в ванную, где включил почти ледяную струю и встал под нее. Прохладная вода мгновенно смыла сонливость, голова заработала, и он вдруг радостно воскликнул от пришедшей в голову идеи.

В это время на кухне прервался разговор, и Орлов с удивлением переспросил:

– Песни, что ли, поет в душе?

Иван Митрофанович добродушно закивал:

– Пускай поет, стены толстые. Взбодриться надо парню, столько всего навалилось. Вы как сами думаете, Петр Николаевич, как дальше действовать? С жильем-то проблем нет, пускай сколько надо у меня живет Лев. Но как же с расследованием, что делать? Ведь ребята Горца сразу срисуют, что он действующий опер.

Генерал нахмурился, отхлебнул глоток горячего напитка:

– Избавиться надо от Горца, мешается под ногами со своими деньгами и просьбами о сотрудничестве. Думаю, может, поговорить с ребятами из смежного ведомства, пускай его ФСБ возьмет в разработку, выдернут пару раз на разговор, и он от страха разоблачения сам ноги обратно за границу унесет. Нам возиться с ним смысла нет, дележка общака и бандитские разборки – те давно в прошлом. Там справедливости нигде нет, вор у вора украл, так что и силы тратить не стоит на разработку.

Осторожный Мичурин задумчиво нахмурился:

– А не навредим Льву? Денег у Горца много, а принципов мало, вернее, один – получить все, что он захочет, любым путем. Я думаю, и так за ним наблюдение пустил, на работу к себе тащит, потому что подозревает что-то. Может быть, думает, что нападение подстроено и Лев – подсадная утка для его окружения, вот и подпускает как можно ближе перед ударом. Если начнется с фээсбэшниками общение, он только в своих подозрениях утвердится.

Петр Николаевич с досадой возразил:

– Ну а что нам делать, как с ним по-другому? Согласиться, чтобы мой лучший опер на бандита работал и искал неизвестного стрелка, пока у нас люди пачками пропадают?

Пенсионер промолчал в ответ, не зная, какой вариант предложить. Как вдруг за их спинами раздался бодрый голос Гурова:

– Петр Николаевич, я думаю, появление Горца связано с исчезновением людей.

Мужчины в немом удивлении уставились на опера. Тот уселся на стул и принялся объяснять свою версию:

– Смотрите, все пропавшие старше пятидесяти лет, больше ни в чем у них нет пересечений. Ни в образе жизни, ни в связях, ни в месте проживания или работы. Значит, есть что-то в их прошлом, что связывает людей вместе. И Альфред Риккер тоже из прошлого, вернее, его настоящая личность – Горецкий. Исчезают люди, связанные неким событием в прошлом, причем достаточно отдаленном, потом гибнет российский помощник Горецкого, он прилетает сюда и тоже подвергается нападению. То есть кто-то планомерно избавляется от участников или свидетелей какого-то события в прошлом, Горца, возможно, выманили смертью помощника, чтобы нанести финальный удар – убить его.

Орлов с сомнением обдумывал версию Гурова:

– Слишком все размыто, что-то в прошлом. То, что все люди в возрасте, так подростками ППС и участковые занимаются, у них другой масштаб преступлений. А здесь люди не простые к тому же, так что поводов для криминала достаточно. Слишком, мне кажется, ты, Лев, намудрил. Как ты докопаешься до этого прошлого, до связи этих людей? Не думаю, что Риккер будет с тобой откровенен настолько, он же сказал, что даже искать нападавшего не надо, просто собрать информацию о происшествии на кладбище. Трудно будет в его прошлом покопаться.

Опер упрямо наклонил голову:

– Я не собираюсь с ним откровенничать. Разрешите согласиться на его предложение? Он снимет наблюдение, это во-первых, а значит, я смогу заниматься параллельно и своими делами. Во-вторых, проверю версию, что его появление в стране и исчезновение людей как-то связаны. Дайте два дня, я опрошу близких трех исчезнувших, которые выбиваются из списка, на кладбище поищу свидетелей, может, удастся вычислить стрелка. Буду держать связь с Горцем, он расслабится и проговорится о своем прошлом. Если не будет ничего стоящего за два дня, то возвращаюсь к официальному расследованию, а работу под прикрытием сворачиваю. Объясню Горецкому, что выполнил его задание, но информации не нашел.

Генерал вздохнул снова, от утренней бодрости не осталось и следа. Он был мрачнее тучи, все-таки работа под прикрытием – одно из опаснейших мероприятий, когда сотрудник буквально ходит по краю, рискуя каждую секунду раскрыть свою двойную роль. И все же, если Гуров предлагает такой вариант действий, то надо соглашаться. Он сотрудник опытный, уже обдумал всю ситуацию вдоль и поперек, составил ход действий наперед на несколько дней. Орлов сухо кивнул – согласен, только попросил:

– Поживи у Ивана Митрофановича пока, чтобы я мог с тобой связь держать. И мне так спокойнее будет, и жена твоя в безопасности. Одежду я сам лично у Марии заберу, отчитаюсь, что в командировку тебя отправляю срочно на несколько дней.

Орлов поднялся с места, внутри много чего кипело, хотелось сказать Гурову, но он понимал, что тот опытный сотрудник и знает, что будет делать. Бушующие эмоции лучше успокоить настоящей пробежкой. Лишь перед тем, как выйти за дверь, Петр Николаевич попросил Льва:

– Без самодеятельности, помни, о чем мы с тобой сегодня говорили. Я всегда тебя прикрою, любое изменение – звони мне в любое время.

– Хорошо, обещаю, что вы будете в курсе всего, – согласился Гуров, в глазах у него теперь блестела твердая уверенность в своих действиях и желание побыстрее реализовать задуманное.

Глава 3

Опер нашел в кармане глянцевую визитку и набрал номер, хорошо поставленный голос ему ответил и почти сразу с долей самодовольства подтвердил:

– Я знал, что ты не сможешь устоять против такого предложения. Действуй, действуй, как считаешь нужным. Если что-то необходимо, просто скажи. Хотя лучше я сам решу, твоя скромность тебе мешает, Левон. Я пришлю машину, чтобы ты мог быстрее передвигаться по городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.